



Ю. К. Кузьменко

СКАНДИНАВСКИЙ УМЛАУТ > СААМСКАЯ МЕТАФОНИЯ > ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОЕ ВЫРАВНИВАНИЕ (TILLJÄMNING)

В 1979 г. на очередной конференции скандинавистов в Петрозаводске я делал доклад о саамском источнике североскандинавского выравнивания (tilljämning). Валерий Павлович Берков спросил меня тогда, почему из множества саамских черт в скандинавские языки проникла только саамская метафония. Восприняв вопрос как скрытое возражение, я много думал над этим. Результатом этих раздумий явился ряд работ о саамско-скандинавских языковых контактах, последняя из которых была опубликована в 2003 г.¹ Вовсе не собираясь перелажать хотя бы часть ответственности за предлагаемые в них гипотезы на Валерия Павловича, я хотел бы поблагодарить его за импульс, полученный мной в Петрозаводске, который в значительной степени определил круг моих занятий на многие годы.

1. Введение

Почти во всех финно-угорских языках господствует гармония гласных (прогрессивная дистантная ассимиляция гласных), функция которой состоит в обеспечении фонетического единства слова или основы. Однако в двух из них, в саамском и ливском, эту же функцию выполняет не гармония, а так называемая метафония (регрессивная дистантная

¹ Кузьменко Ю. К. О появлении суффигового отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 98–117.

ассимиляция гласных). Подобная метафония очень напоминает германский умлаут, и встает естественный вопрос о том, является ли такое развитие параллельным или подобное сходство результат языкового контакта². К типологически сходным явлениям относится и так называемое выравнивание (шв. *tilljämning*, норв. букв. *tiljevning*, новонорв. *jämning*), дистантная регрессивная ассимиляция гласных в исконных краткосложных словах, характерная для восточнонорвежских, центрально- и северошведских диалектов. Более 20 лет назад я предположил саамское происхождение скандинавского выравнивания³, однако не видел никакой связи между скандинавским умлаутом и саамской метафонией кроме типологической. В настоящей статье мне хотелось бы вернуться к саамским и скандинавским регрессивным дистантным ассимиляциям и попытаться установить их возможную взаимозависимость.

Однако прежде чем приступить к теме, хотелось бы выяснить некоторые общие вопросы определения языковой интерференции. Поскольку при сравнении сходных изоглосс языков, находящихся в контакте, следует всегда учитывать возможность параллельного развития, для определения интерференции нужны факторы иные, чем простая географическая близость. Действительно, если в одном языке в определенных условиях могли развиваться инновации, почему подобные инновации не могут развиваться при сходных условиях в другом языке? Географическая близость может оказаться в данном случае простым совпадением. Примеров типологически сходного развития, обусловленного сходными структурными предпосылками, великое множество. Какие же аргументы, кроме географических, могут увеличить вероятность рассмотрения явления как результата языкового контакта? Основными аргументами на этапе определения кандидатов интерференции должны быть сравнение с родственными языками, определение хронологического соответствия явлений, сравнение их структуры и функции. Если по этим параметрам мы определили возможных кандидатов интерференции, необходимо установить, насколько направление заимство-

² *Kylstra A. D.* Skandinavisch-Lappische Parallelen // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 185* (Symposium saeculare Societatis Fennougricae). Helsinki, 1983. С. 67–168.

³ *Кузьменко Ю. К.* Взаимодействие диалектов и фонологические изменения (развитие систем гласных в скандинавских диалектах) // *Взаимодействие лингвистических ареалов*. Л., 1980. С. 100–160; *Кузьменко Ю. К.* Истоки скандинавской метафонии (о саамском влиянии на скандинавские диалекты) // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Л., 1983. С. 44–50.

вания соответствует сложившейся социолингвистической ситуации. Попытаемся определить соотношение упомянутых выше саамско-скандинавских соответствий, исходя из этих критериев.

2. Скандинавский умлаут > саамская метафония

Саамская метафония характерна для всех саамских языков, однако сильнее всего она представлена в южносаамском. Причем различают два типа метафонии. Первая саамская метафония, связанная с ассимиляцией по степени подъема, свойственна всем саамским языкам. Вторая метафония, характеризующаяся ассимиляцией по огубленности и по ряду, распространена наиболее последовательно в южносаамском.

Германский умлаут характерен для всех германских языков, кроме готского. В истории скандинавских языков различают три типа умлаута: *a*-умлаут, *i*-умлаут и *u*-умлаут. Соответственно первая саамская метафония наиболее похожа на скандинавский *a*-умлаут, а вторая — на скандинавские *i*- и *u*-умлауты. Три типа скандинавского умлаута отличаются друг от друга не только по типу ассимиляции, но и по времени. Чередования по *a*-умлауту фонологизовались до IV в., *i*-умлаут относят к VII в., а *u*-умлаут еще младше⁴. Рассмотрим вначале подробнее первый по времени германский умлаут и первую саамскую метафонию.

2.1. Первый германский умлаут и первая саамская метафония

И в протоскандинавском и в протозападногерманском языках видна зависимость степени подъема корневого гласного от степени раствора закорневого гласного. Предполагается, что первоначальное распределение *i/e* и *u/o* было позиционным и зависело, в частности, от степени раствора заударной гласной. Перед *a* были возможны *e* и *o*, а перед *i* и *u* соответственно *i* и *u*. Если *i/e*, *u/o* находились в дополнительной дистрибуции, то их следует рассматривать как аллофоны фонем⁵, фонологизация которых произошла, в частности, после отпадения *a*. В скандинавской традиции ассимиляция по степени раствора называют *a*-умлаутом от *u* и *i* и *i*/*u*-умлаутом от *e* и *o* (ср.: рун. *hornA*, *gotnA*, *hlewa-gastiR*, *kepan*, *heldaR*,

⁴ Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. 2. С. 151.

⁵ Marchand J. W. Germanic Short *i and *e: Two Phonemes or one? // Language. 1957. Vol. 33. N 1. P. 346–354.

но **gudija, gibu, irilaR, kunimu(n)dui**). В скандинавском ареале есть немало бесспорных случаев *a*-умлаута от *i* (ср.: **hAidera**, дрисл. *hedra*, дрисл. *pidr*, но *pedan*), немного примеров на *i*-умлаут от *e* (ср.: **irilaR**, дрисл. *figdir*, но *fjördr*) и еще меньше примеров на *u*-умлаут от *i* (ср.: дрисл. *sidr*, двн. *situ*, дсакс. *sidu*). Однако имеется много примеров на *a*-умлаут от *u* (ср.: **horna**, дрисл. *stolinn* < **stulanR*).

Гораздо больше примеров ассимиляций, соответствующих первому скандинавскому умлауту, мы находим в древних западногерманских языках, особенно в древневерхненемецком и древнесаксонском⁶. Это явление имеет тут, правда, другое название — «преломление», ср., например: двн., дсакс. *biru* (1. ед.) — *beran* (инф.), двн. *hulfum* (1. мн. прет.) — *giholfan* (прич. II); да. *bir(e)þ* (3. ед. през.) — *beran* (инф.).

Аллофоническое распределение ассимиляций сохранялось до III–IV в., когда произошла фонологизация различий по подъему и появилось множество обусловленных морфологической аналогией исключений из правил; ср., например, закономерную форму **irilaR** и форму по аналогии **erilaR** в рунических надписях V–VI вв. В надписи на золотом роге из Галлехуса (начало V в.) мы встречаем как закономерную форму **horna** < **hurna*, так и аналогичную форму **holtijaR** < **hultijaz*⁷.

Первая саамская метафония действие которой относят к протосаамскому периоду, т. е. 1000 г. до н. э. — 800 г. н. э.⁸, и следы которой находят во всех современных саамских языках, состояла в понижении гласных среднего подъема **e* и **o* перед более открытой гласной заударного слога (**e* > **ε*; **o* > **ā*), ср.: **pesä* > **pe“sä*, севсаам. *beassi* (фин. *pesä*) ‘гнездо’; **kota* > **kåta*, севсаам. *goahiti* (фн. *kota*) ‘саамский чум, дом’ и в повышении открытых гласных перед более закрытыми гласными заударного слога (*e* или *o*), ср.: **kåte* > **ke“tE*, севсаам. *giehta* (фин. *käsi*) ‘рука’; **lakte* > **lo“kte*, севсаам. *luokta* (фин. *lahti*) ‘залив’; **kala* > **ko“la*, севсаам. *guolli* (фин. *kala*) ‘рыба’.

Мы видим, таким образом, что не только регрессивное направление, но и тип ассимиляции (по степени раствора) первой перегласовки в протоскандинавском и в протосаамском языках совпадают. Что касается различий в качестве закорневых гласных, то оно было не столь

⁶ Hesselman B. Omljud och brytning i de nordiska språken. Uppsala, 1945. S. 7.

⁷ Krause W. Die Sprache der urnordischen Runeninschriften. Heidelberg, 1971. S. 28.

⁸ Korhonen M. 1) Lapin metafoniasta // Juhlakirja paavo Siron täyttössä 60, vuotta 2.8.1969. Tampere, 1969. S. 80; 2) The History of the lapp language // Denis Sinor (red.) The Uralic languages. Leiden, 1988. P. 269.

большим, как это можно было бы предположить, основываясь на их традиционном обозначении. Относительно протофинского и раннего протосаамского языков предполагают существование четырех заударных гласных, которые обозначают как *e*, *o*, *ä*, *a*⁹. Из этого следует, что и в протосаамском и в протоскандинавском языке были только две степени подъема безударных гласных. Гласные, обозначаемые в протосаамском как *e* и *o*, были самыми закрытыми безударными гласными и соответствовали гласным, которые в протоскандинавском обозначаются как *i* и *u*, а гласные, обозначаемые как *ä* и *a*, — самыми открытыми безударными гласными и соответствовали скандинавскому *a*. Фонологическое, а возможно, и фонетическое сходство между протосаамскими и протоскандинавскими безударными гласными было большим, чем это предполагает их традиционное обозначение. В обоих случаях самые закрытые гласные (*e* и *o* в протосаамском и *i* и *u* в протоскандинавском) обуславливали высокий подъем гласного ударного слога, а открытые гласные (*a* и *ä* в протосаамском и *a* в протоскандинавском) обуславливали низкий подъем ударного гласного; ср.: протосаам. *kota > *kâta, севсаам. goahti; протосканд. *hurna > hornâ, протосаам. *pesä > *pe“sä, севсаам. beassi; протосканд. *ferðir > firðir.

Таким образом, очевидно, что и первая протосаамская метафония и первый протоскандинавский умлаут представляют собой структурно и функционально абсолютно идентичные процессы. Ранее я вслед за Стейницем¹⁰ предполагал «внутрисаамское» происхождение саамской метафонии¹¹. Теперь же более вероятным мне представляется ее скандинавское происхождение. Об этом свидетельствует в первую очередь сравнительно-исторический аргумент. Первый германский умлаут (и немецкое преломление) распространен во всех, кроме готского, германских языках, причем наиболее последовательно в западногерманских языках, особенно в древневерхненемецком. Первая же метафония характерна только для саамских языков (подобной метафонии нет даже в ливском) и отличает саамские языки от всех других финно-угорских языков, в которых господствует гармония гласных.

Замена финно-угорской гармонии на саамскую метафонию не могла иметь никаких функциональных препятствий, поскольку их функ-

⁹ Korhonen *Ī*. The History... S. 271.

¹⁰ Steinitz *W*. Geschichte der finnisch-ugrischen Vokalismus. Berlin, 1964. S. 111–112.

¹¹ Кузьменко Ю. К. Истоки... С. 44–50.

ция (показывать границы основы) и механизм (дистантная ассимиляция гласных) абсолютно идентичны.

Предполагаемая датировка первой саамской метафонии (1000 г. до н. э. — 800 г. н. э.) не противоречит возможности ее заимствования из протоскандинавского в протосаамский в III–IV вв. еще до фонологизации аллофонов первого умлаута, когда умлаут был чисто фонетическим правилом.

2.2. Скандинавский палатальный и лабиальный умлаут и вторая саамская метафония

Вторая саамская метафония, которую Корхонен датирует IX в.¹², характерна для части восточносаамских диалектов, но наиболее последовательно она прошла в южносаамском, где сохраняется правило первой метафонии (регрессивная ассимиляция по степени раствора), но к этому правилу добавляется регрессивная ассимиляция по ряду и огубленности. В современной южносаамской норме примерами первой метафонии являются чередования *bissem* ‘я мою’, *bissieh* ‘они моют’, но *bæssa* ‘он, она, оно моет’; *lohkem* ‘я читаю’, *luhkieh* ‘они читают’, но *lähka* ‘он, она, оно читает’; примерами палатальной метафонии чередования типа *bâetieh* ‘приходи!’, но *bœtî* ‘он (она, оно) пришел’; *vuelkieh* ‘поезжай’, но *vœlki* ‘он (она, оно) ездил’, и примерами лабиальной метафонии чередования *gæljoeh* ‘они кричат’, но *gylje* ‘он, она, оно кричит’; *tjeaeroeh* ‘они плачут’, но *tjyøre* ‘он, она, оно плачет’¹³. И в данном случае структурное сходство со скандинавским палатальным и лабиальным умлаутом очевидно. Лабиальный умлаут в скандинавских языках представлен не только изменением *a > o, ö* (ср.: шв., исл. *öl*; норв., дат. *øl < alu*), но и изменениями типа *e > ø, i > y* (ср.: дрисл. *tryggr*, гот. *triggws*, дрисл. *røkr*, гот. *riqis*). Лабиализация передних гласных характерна и для южносаамской лабиальной метафонии (ср.: чередования типа *gæljoeh* — *gylje*; *tjeaeroeh* — *tjyøre*).

Сравнительно-исторический и географический критерии свидетельствуют о возможности заимствования и второй саамской метафонии из скандинавского. Палатальный и лабиальный умлаут характерен и для других германских языков (палатальный умлаут — для всех, даже для вестготского¹⁴), велярный — прежде всего для древнеанглийского и для

¹² Korhonen J. Lapin... S. 81.

¹³ Bergsland K. Sydsamisk grammatikk. Tromsø; Oslo; Bergen, 1994. S. 31–32.

¹⁴ Сравнительная грамматика... С. 142.

древних скандинавских языков, а сходные явления в финно-угорских языках характерны только для южносаамского¹⁵.

Хронология фонологизации аллофонов палатального и лабиального умлаута и второй саамской метафонии также соответствуют друг другу. Фонологизацию *i*-умлаута традиционно относили к началу VII в.¹⁶, хотя, возможно, она несколько старше¹⁷, а второй саамский умлаут — к IX в.

Таким образом, географические, сравнительно-исторические, хронологические и структурно-функциональные аргументы позволяют предположить возможность скандинавского влияния на замену гармонии гласных метафонией в саамских языках, в первую очередь в южносаамском. Остается выяснить, не противоречит ли изменению скандинавский умлаут > саамская метафония социолингвистическая ситуация, и каков был механизм скандинаво-саамской интерференции.

2.3. Механизм интерференции умлаут > метафония

Для того чтобы понять, была ли возможна такая интерференция, необходимо реконструировать социолингвистическую ситуацию в III–IX вв. Проникновение скандинавского правила умлаута в протосаамский предполагает наличие скандинавов, говоривших по-саамски, из языка которых этот признак распространился на протосаамский. Исходя из отношений между саамами и скандинавами в последние века II тысячелетия н. э., такое предположение кажется абсолютно невероятным. Однако, как показывают последние археологические и исторические исследования, отношение между саамами и скандинавами в I тысячелетии н. э., т. е. до принятия скандинавами христианства, были иными¹⁸. «Симбиоз культур», который шведский археолог

¹⁵ Единственным, кроме саамских, финно-угорским языком с метафонией является ливский. Однако здесь нет ни метафонии по степени подъема, ни лабиальной метафонии, а есть только палатальная метафония, т. е. изменение *a, o, u* > *ä, ö, ü*, *ç* перед *i* и *j* (Korhonen M. Lapin... S. 80). Ливская метафония более позднее явление, чем обе саамские метафонии (Kylstra A. D. Op. cit. S. 171), и, скорее всего, ее нужно связывать с немецким *i*-умлаутом.

¹⁶ Сравнительная грамматика... С. 145–146.

¹⁷ Schulte M. Grundfragen der Umlautphonemisierung. Berlin; New-York, 1998. S. 253.

¹⁸ Mundal E. Coexistence of Saami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths // Old Norse Myths, Literature and Society. International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 346–355; Zachrisson J. Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm, 1997.

Сахриссон обнаруживает и в эпоху викингов¹⁹, и в более ранний вендельский период²⁰, не мог не отразиться и во взаимном владении языками. О том, что, например, норвежский хевдинг Оттар (IX в.), основным богатством которого были олени, понимал по-саамски²¹, свидетельствует его рассказ о путешествии на север, который вставил в свой перевод на древнеанглийский язык «Истории Беды Достопочтенного» король Альфред Великий. В Северной Швеции говорящие по-саамски шведы встречались еще в первой половине XX в.²² О существовании смешанных браков свидетельствует антропология, древнеисландская литература и существование имени Hálfínnr («*Саами наполовину*»), образованному по типу более известного имени Hálf-dán («*Дан наполовину*»). Важным свидетельством отсутствия стигматизации саамов является широкое распространение у скандинавов собственного имени Finn, Finni или Finna и имен со словом finn- в качестве первого или второго компонента и до эпохи викингов, и в эпоху викингов, которое ассоциировалось с названием народа «саами»²³. Первый случай такого употребления мы находим в рунической надписи из Эстерьетланда (около 500), состоящей всего из двух имен собственных saligastiR fino (мужское имя «*Салигастур*» — «*гость в зале*», т. е. «*воин; предводитель воинов*») и женское имя «*Финна*» («*саамка*»).

Таким образом, исторические факты подтверждают существование скандинавов, говорящих в VI–IX вв. по-саамски. Появление в их саамском произношении правила скандинавских умлаутов вполне допустимо, и соответственно еще более допустимо распространение черт скандинавской интерференции в саамский язык саамов. Умлаут был не единственной чертой скандинавской интерференции в саамском, кроме него в саамский проник ряд синтаксических черт, и прежде всего порядок слов SVO < SOV²⁴.

¹⁹ Zachrisson I. Op. cit. S. 131.

²⁰ Zachrisson I. Encounters in Border Country. Saami and Germanic peoples in Nentral Scandinavia // Kingdoms and Regionality. Stockholm, 2001. P. 13–17.

²¹ Simonsen P. Bønder og vikinger i nord-norsk jernalder // Ottar. 1959. N 20. S. 23.

²² Wallström S. Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt från Arjeplogsmålet. Uppsala, 1943. S. 21.

²³ Kusmenko J. Utvecklingen av suffigerad negation i urnordiskan // Strövtåg i nordisk språkvetenskap. Berlin, 2002. S. 113–116.

²⁴ Wickman B. Nordisk påverkan på samisk syntax // Språkhistoria och språkkontakt i Finland och Nord-Skandinavien. Studier tillägnade Trygve Sköld den 2. November 1982. Stockholm, 1982. S. 279–285.

3. Саамская метафония > скандинавское выравнивание (*tilljämning*)

Скандинавское выравнивание (регрессивная ассимиляция гласных в исконных краткосложных словах) характерно для восточнорвежских и центрально- и северошведских диалектов (ср. чередования *drepa* — *dripit*, *tælcer* — *tålå*).²⁵ Самое сильное выравнивание характерно для восточного Тренделага, где часто выравнивание полное, и для шведских диалектов в Норботтене и Вестерботтене. Однако следы метафонии есть и в более южных областях, например в Рингерике в Норвегии и в Упланде и Седерманланде в Швеции²⁶. В диалектах с сохраняющейся краткосложностью выравнивание является живым морфонологическим чередованием, однако во многих случаях, особенно в диалектах с удлинением корневого слога, оно уже лексикализовано. Основной тип скандинавского неполного выравнивания, уподобление по подъему, как и в эпоху германского *a*-умлаута *i* и *u*, могут вызывать одинаковый тип выравнивания (ср. *ladu* > *lædu*; *galin* > *gælin*)²⁷, однако возможно и уподобление по ряду и по огубленности, ср. форму *vætá*²⁸, где мы имеем дело с уподоблением и по подъему, и по огубленности.

Функция скандинавского выравнивания — качественное объединение двух гласных единого двухморного ударного комплекса. Выравнивание характерно для диалектов с балансом гласных и равновесным акцентом, который равным образом выделяет два гласных (две моры) и приравнивает их к долгому слогу долгосложных слов.

Появление и наибольшее распространение метафонии относят к XVI–XVII вв.²⁹

Южносаамская метафония соответствует по своему механизму североскандинавскому выравниванию; ср. уподобление по подъему, по ряду и по огубленности (*bissieh* ‘жарь’ — *bæssam* ‘я жарю’ — *byssove* ‘поджарен’)³⁰. Причем и здесь мы можем иметь дело с полной ассими-

²⁵ Borg A. Jamning // Svenska Landsmål och svenskt folkliv. 1973. N 298. S. 82–100.

²⁶ Ibid. S. 86–87.

²⁷ Hesselman B. Sveamålen och de svenska dialekternas indelning. Uppsala, 1905. S. 15, 32.

²⁸ Borg A. Jamning. S. 86.

²⁹ Hovda P. Ymist kring jamvektlovi // Maal og Minne. 1954. S. 109–114.

³⁰ Bergsland K. Language contacts between Southern Sami and Scandinavian // Language Contact. Theoretical and Empirical Studies (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 60) / E. H. Jahr. Berlin; New York, 1992.

лящей (ср. севсаам. *bassii* ‘*жарил(a)*’ и южносаам. *bissii(j)*), или чередование *tonno* ‘*иду*’ — *manat* ‘*идти*’ в диалекте Елливаре³¹ и с частичной ассимиляцией (при этом *i* и *u* оказывают одинаковое воздействие, ср. *harri* > *hærgi*, *aluk* > *æluk*)³².

Хотя механизм скандинавского выравнивания и механизм саамской метафонии схожи, функция южносаамской метафонии отличается от функции североскандинавского выравнивания, сфера действия которого — краткосложные слова (см. выше).

Предполагая ранее южносаамское происхождение североскандинавского выравнивания, я строил свое предположение в основном на их географическом распространении и на сходстве общего механизма ассимиляций. К этим доводам теперь мне хочется добавить и сходство конкретного направления ассимиляции, прежде всего полные ассимиляции типа саам. *tonno*, *bissii(j)* и сканд. *tålå* и *dripit*, и одинаковое воздействие заударных *i* и *u* и хронологический фактор. Время заимствования южносаамсаамской метафонии из скандинавских языков — VIII–IX вв., время появления скандинавского выравнивания — XVI в.

Конечно, можно было бы сказать, что североскандинавское выравнивание — прямое продолжение скандинавского умлаута и вызвано к жизни действиями тех же тенденций. Однако скандинавский *a*-умлаут перестал быть морфонологическим правилом уже в V в., а одинаковое (соответствующее действию немецкого преломления) действие *i* и *u* перестало быть правилом еще раньше. Возобновление этого механизма стало возможным не потому, что какие-то неясные тенденции дремали в течении тысячи лет, а потом вдруг дали о себе знать (подобное объяснение повторяющихся процессов можно часто встретить³³), а потому, что заимствовавший скандинавский умлаут южносаамский продолжал и продолжает сохранять соответствующие живые морфонологические чередования до сих пор. Именно эти живые морфонологические чередования и стали источником скандинавского выравнивания в XVI в. Однако каков был механизм этой интерференции и почему выравнивание было заимствовано именно в XVI в.?

³¹ *Collinder B.* Lautlehre des waldlappischen Dialektes von Gällivare. Helsinki, 1938. S. 59.

³² *Ibid.* S. 53, 67.

³³ *Wagner H.* Nordeuropäische Lautgeographie // Beiträge zur typologischen Sprachgeographie (Hg. B. Beneš et al.). Bern, 2002. S. 19–88.

3.1. Механизм интерференции метафония > выравнивание

Саамская интерференция в североскандинавские диалекты предполагает саамов, говорящих по-скандинавски, из языка которых это явление и распространилось в североскандинавские диалекты. Предположение о том, что саамы, прежде всего южные, знали скандинавский с древних времен, не вызывает возражений. До христианизации скандинавов такое знание не предполагало, однако, отказа от родного языка. После христианизации началось вытеснение саамского языка, т. е. происходила смена языка, причем в особой степени этот процесс коснулся южносаамского. Большинство южных саами сменили свой идентитет и стали шведами и норвежцами, причем наиболее сильную скандинавизацию саамов отмечают в эпоху Реформации, т. е. именно в XVI в. Хотя существуют разные предположения об исконной южной границе расселения саамов на Скандинавском полуострове³⁴, даже наиболее радикальные из них отмечают особое распространение саамов в Тренделаге (в центре скандинавского выравнивания) именно в XVI–XVII вв.³⁵ Повсеместная смена языка на территории, которая почти полностью соответствует территории скандинавского выравнивания (южная граница саамскандинавской контактной зоны в Средние века, ср. карту Сахриссон³⁶), почти до мелочей совпадает с южной границей следов распространения метафонии³⁷. Метафония, собственно, не распространялась на юг в исконные скандинавские диалекты, как я полагал раньше. Она, наоборот, вытеснялась из наиболее южных областей своего распространения. Функциональное переориентирование метафонии на консолидацию краткосложного двухморного комплекса в шведских и норвежских диалектах способствовало, однако, сохранению метафонии прежде всего в диалектах с сохранившейся краткосложностью.

Таким образом, мы видим, как одна и та же контактная изоглосса (регессивная дистантная ассимиляция гласных) на протяжении веков несколько раз меняла и направление движения, и продуктивность в зависимости от социолингвистической ситуации и от функциональной необходимости.

³⁴ Baudou E. Kulturprovinsen Mellannorrland under järnåldern // Namn och Bygd. 2002. N 90. S. 5–36.

³⁵ Sandnes J. Om samenes utbredelse mot sør i eldre tid // Historisk tidsskrift. 1973. Bd. 52. S. 135.

³⁶ Zachrisson I. Möten i gränsland. S. 131.

³⁷ Кузьменко Ю. К. Взаимодействие диалектов... С. 134, карта 11.

NORDISKT OMLJUD > SAMISK METAFONI > NORDNORDISK TILLJÄMNING

I artikeln betraktas samisk metafoni som en följd av nordisk interferens i samiskan under perioden 400–900-talet. Samtidigt kan nordnordisk tilljämning ses som en följd av sydamerisk interferens i svenska och norska dialekter på 1500-talet. För att bevisa detta används språkhistoriska, kronologiska, funktionella och sociolingvistiska argument.